

A romantic scene featuring a man and a woman from behind, holding hands. They are looking out over a composite background that includes the golden domes of a Russian church, the spires of a Gothic cathedral, and a large, modern multi-story building. The sky is blue with soft white clouds. The overall mood is peaceful and hopeful.

Арина
Коневская

Под псевдонимом
«МИМОЗА»

Арина Коневская

Под псевдонимом «Мимоза»

«Алгоритм»

2014

Коневская А.

Под псевдонимом «Мимоза» / А. Коневская — «Алгоритм», 2014

Остросюжетный роман «Мимоза» увлекает в перипетии судьбы талантливой ученой Марии Ивлевой, ученицы знаменитого историка. Обладая уникальными познаниями, она вынуждена в конце 1980-х годов скрываться за границей. Оказавшись там в среде странных «черных аристократов», Мария сталкивается с загадочным мультимиллионером... По возвращении на Родину после августа 1991-го наступает совсем иная жизнь профессора Ивлевой. Ее разнообразное общение с людьми как в столице, так и в «глубинке» многогранно отражает российскую действительность того странного времени... К тому же, унаследовав дневники покойного учителя, она обретает новый взгляд на роль «мировой закулисы» в истории нашей страны... Когда протест против царящего беспредела достигает своего апогея в «черные дни Октября 1993-го», Мария делает свой окончательный выбор... Книга рассчитана на тех читателей, кого волнуют вопросы современной истории и политики.

© Коневская А., 2014

© Алгоритм, 2014

Содержание

Часть I. На изломе	6
Глава 1. Лед и пламень	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Арина Коневская

Под псевдонимом «Мимоза»

© Коневская А., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Часть I. На изломе

Глава 1. Лед и пламень

Если жизнь наша выстраивается не по направлению ко Христу, а еще каким-то боком, значит мы обмануты дьяволом.

Протоиерей Дмитрий Смирнов

– Так это вы, Игорь Иванович? Ах да, вы всех опередили. Гм... вам одному по секрету – уже тридцать пять. Нет-нет, сегодня никак. Вот завтра милости прошу! Весь Отдел соберется, – прощепетала Мария Силантьевна, иронически улыбаясь в трубку. А на другом конце провода Игорь Антонов, ее назойливый шеф не отступал:

– Что ж, Снежная королева, не притомилась еще от одиночества-то, а? У тебя, Марьюшка, не только холодный ум, но и льдина вместо сердца! Неужто никто не растопил ее до сих пор, а?

– Увы, Игорь Иванович, бедная я! И замуж-то никто не берет, – с притворным вздохом отвечала она.

– А я бы взял!

– Да ну? Что ж вы раньше-то помалкивали, Игорь? Мы бы с вами давно уж свадьбу сыграли! – рассмеялась Маша.

– Не ожидал, что ты сразу согласишься, насмешница бессовестная! – угрюмо пробормотал он, вешая трубку.

Отмечать дни своего рождения профессор Мария Ивлева не очень-то любила, а сегодня была особенно не в духе. Но вовсе не от разговора с Игорем, ее давним «воздыхателем». В скверное настроение Машу повергли совсем другие звонки. Те, что раздались накануне вечером в ее одинокой квартире. И сейчас она жаждала одного – успокоиться, окунувшись в звенящую тишину «неприсутственного дня». Лишь здесь, в глубине институтского особняка Маша могла почувствовать себя защищенной от треволнений внешнего мира. Закрывшись в собственном просторном кабинете, профессор Ивлева восседала за массивным письменным столом, доставшимся Институту в наследство еще от графов Воронцовых. А за сумрачным окном хмурилось декабрьское утро середины 80-х, и с неба не переставая валил мокрый снег.

Институт Академии наук притаился в лабиринте Арбата внутри старого воронцовского дома с колоннами. Возникший на заре сталинской эпохи, он слыл одним из самых загадочных учреждений. И сегодня в бывшем «Институте красной профессуры» непостижимым образом сохранялись невидимые простому глазу следы навсегда ушедших поколений. Какие-то странные флюиды, неведомые современной науке, пронизывали его атмосферу до сих пор. Они притягивали и заворачивали тех, кому дано было улавливать дух прошлого и в то же время предчувствовать таинственные веяния будущего. К таким редким представителям рода человеческого принадлежала и Мария.

Профессор Ивлева, как говорят в народе, была «из молодых да ранних». Ее недавно вышедшая в свет книга о влиянии массмедиа на подсознание человека вызвала острый интерес в академических кругах. И успеху Марии Силантьевны теперь завидовали многие ее научные собратья. А институтские приятельницы злословили весьма по-женски: «Машка-то зарвалась совсем! Небось в академики метит, а сама-то, папенькина дочка, так в старых девах и застряла, ха-ха!»

Но Мария вовсе не выглядела эдаким «синим чулком». Ее большие серые глаза на красивом аристократичном лице излучали обаяние. Густые каштановые волосы, спускавшиеся до плеч, изящная фигура – весь ее облик производил приятное впечатление.

И в данный момент она едва успевала отвечать на звонки поклонников. Невзирая на дурное настроение, молодая профессорша обещала коллегам устроить завтра в отделе праздничное застолье: с тортом из «Праги» и неизменным «Киндзмараули», доставленным прямо из Тбилиси Гией Ломидзе – смертельно влюбленным в нее аспирантом.

Вернувшись к вечеру домой, Маша распечатала пачку «Мальборо» и, нервно закулив в ожидании подруги, выставила на стол бутылку «Наполеона». И верная Алевтина, едва переступив порог, уловила ее угнетенный взгляд:

– Что стряслось, Маш? Опять кто-то звонил?

– Ах, Аля! Ты же знаешь – с тех пор как меня в советники к «серому карди» прочат, что-то вокруг завертелось такое странное, а что именно – не пойму! Ну, садись скорее! Вот вчера опять этот тип звонил из Серпухова – уже в пятый раз! Сколько ни убеждала его, что ни о каких лекциях не договаривалась с ним, а он гнет свое – будто я еще в прошлом году твердо ему обещала – просто чушь какая-то!

– Может действительно так, а ты забыла?

– Да Ты что, Аля? Пока что я в своем уме! А представляется он как замдиректора какого-то НИИ, и настырно так приглашает прокатиться с ним по окрестностям, монастыри мне показать якобы хочет. С чего бы это, а? Гм, но что особенно странно – в те же самые дни всегда названивает угадай-ка кто?

– Мадам Редозуб? Правда?! Ой, Машка, вот теперь мне ясно, почему ты так взвинтилась! Ведь эта змея подколодная перед гибелью Игната так кругами вокруг нас и ходила, все пыталась нас с ним где-нибудь «засечь», а мне как бы невзначай своего гинеколога предлагала! Ну не наглость ли? Ведь мы с ней были едва знакомы!

– Твое счастье, Алька, что едва! Со мной, увы, совсем иначе было!

* * *

Ника Редозуб, миниатюрная брюнетка с темно-кариими навывкате глазами и красиво завернутой на затылке косой, приветливо встречала гостей, шелестя по огромной прихожей подолом длинного сиреневого платья. Муж ее, Яша, известный в Москве адвокат по «мокрым делам», был высок, слегка грузноват, но еще вполне пригож для своих шестидесяти лет. Прожив с Никой всю свою жизнь, Яша тем не менее чувствовал себя совершенно свободным от супружеских обязательств: обеспечивая жену «сверх головы», он давно уже преследовал других женщин, абсолютно не скрывая этого ни от кого. И супруга относилась к такому положению вещей весьма спокойно: среди присутствующих вращался постоянный любовник Ники – знаменитый Разунов, написавший маслом вереницу ее портретов. В свои сорок пять хозяйка дома проявляла активный интерес и к другим мужчинам. И тому, кто ей особо нравился, не стеснялась откровенно изъяснять свою однозначную благосклонность. Однако в этот вечер главным объектом внимания красавицы Ники оказалась, как ни странно, женщина, приглашенная ею специально для Юрия Власовича.

Молодая профессорша Ивлева, переступая порог роскошной квартиры Редозубова в Козицком переулке, ни о чем не догадывалась, хотя и ощутила где-то в глубине себя неприятный холодок. Однако и отказаться от приглашения было не совсем удобно, поскольку с недавних пор Ника снабжала ее недоступным простому смертному «самиздатом», которым бредила тогда наша интеллигенция. И в связи с особым интересом Маши к оккультной литературе ей вовсе не хотелось портить отношения с ее непосредственным «источником», поставлявшим то Гурджиева и Кастанеду, то Блаватскую или Шри Раджниша.

Окунувшись в атмосферу оживленного «фуршета», входившего тогда в моду, Маша заметила в глубине гостиной известного всему миру Разунова, профессора Царецкого, балерину Олашвили и к великому своему удивлению – давнего своего воздыхателя и начальника Игоря Антонова. Переплывая от одного гостя к другому Яша и Ника Редозубы старались поддерживать в компании тонус веселого оживления. Среди публики, развлекавшейся скабрёзными анекдотами, кое-где раздавался приглушенный смех. «Они давно успели вдохнуть глоток свободы», – невольно подумалось Марии Силантьевне. И в сей момент к ней неожиданно подскочила хозяйка дома, держа в изящных руках, унизанных перстнями, маленький поднос с красовавшейся на нем рюмочкой ликера:

– Ах, вот ты где, Маша! Выпей-ка, наконец, за мое здоровье!

– Но я не пью, Ника Леопольдовна! Вы уж простите великодушно! – попыталась увернуться Ивлева.

– Ну и ну! Ты что, обидеть меня хочешь? Это же моя фирменная «сливянка» собственного производства!

Заставив гостью подчиниться своей воле, Ника слегка заметно ухмыльнулась и направилась к старинному «Бехштейну», собираясь исполнять романсы. Но в тот же миг раздался шум резко затормозившей машины.

– О, – воскликнула она, – должно быть, это сам Юрий Власович! – и легко выпорхнула из гостиной.

Судя по реакции публики, высокого гостя ожидали многие: на лицах отразилось некоторое возбуждение, и даже воздух в зале вдруг как-то наэлектризовался.

– Приветствую вас, друзья! О, да тут все свои! – явившись на пороге и слегка прихрамывая продвинувшись вперед, произнес лысоватый стареющий «босс» в массивных очках на квадратном лице. Светло-серый костюм элегантно сидел на его плотной фигуре, подчеркивая тяжеловесную значительность своего обладателя. Он же, бросив в сторону присутствующих небрежный взгляд и успев заметить, что те внезапно замолчали, мягко проронил: – Продолжайте, друзья!

Тут же к нему подскочил Яша и провел высокого гостя в кабинет. Минут через десять хозяин дома появился вновь и пригласил на разговор к Юрию Власовичу Виктора Давича – редактора популярного журнала, недавно прибывшего в Москву из Киева и успевшего снискать известность.

В тот же момент к Маше приблизилась Ника Леопольдовна, и подхватив ее под руку быстро повела в сторону кабинета. Не успев вымолвить ни слова, Ивлева оказалась перед очами «серого кардинала», которого знала только по портретам да по телевизору. И слегка оторопела, узрев его, развалившегося на черном кожаном диване вместе с Давичем.

Пристально взглянув на вошедшую, Юрий Власович взбодрился:

– Марья Силантьевна? Прошу садиться. – И указал молчавшей Ивлевой на кресло у стола.

Онемевшая от непредвиденной встречи, Маша впала в странное какое-то оцепенение и механически подчинилась. По всему телу прошел озноб, а ноги ее отяжелели.

– Вы – сильный профессионал, а нам сейчас именно такие как вы и нужны – молодые, широко образованные. Ведь сами видите – старая эра уже на ладан дышит, предстоит перестройка: идеологию менять будем, – в корне! Больше свободы дадим, пойдем к многопартийности. Как вы-то к этому настроены?

– Я? Нормально, я же – беспартийная, – пролепетала Маша.

– Мы отбросим закосневшие догмы на свалку истории, – продолжал «серый».

– Будем внедрять общечеловеческие ценности, а не взирать на мир с замшелой «большевистской кочки»! – вторил ему Давич, плотоядно взглянувший на Машу.

– Сами понимаете, что за сложное дело Вам предлагаем – эта работа филигранная. Ну как, Марья Силантьевна, согласны с нами вместе потрудиться, а? – неожиданно громко спросил Юрий Власович.

Ивлевой показалось, что все здесь происходящее – сон. И пространство кабинета, как бы удлинняясь, поплыло перед ней в тумане. Она бессильно вздохнула:

– А если я не справлюсь?

– А вы не спешите, Марья Силантьевна, я вас не гоню, обдумайте мое предложение на досуге. Ну а сейчас, кстати, чем заняты?

– Массовым сознанием, – автоматически промолвила она.

– Вот и замечательно! Как раз то, что нам нужно! Вот и займитесь этим в ключе новой идеологии! – властно прочеканил «босс». Слегка рассмеявшись, он медленно поднялся с дивана и протянул Маше руку на прощанье, добавив: – Ну а теперь расслабьтесь и получите удовольствие!

Его потная ладонь неприятно скользнула по ее коже, вызвав внутреннюю дрожь. А редактор Давич посмел даже взять ее за локоть под видом сопровождения до двери и прошептал:

– А вы, Мария, намного моложе, чем я представлял...

Как сомнамбула пошатываясь, двинулась она по коридору, что случайно заметил Игорь Иванович, мгновенно подскочив к ней:

– Что с тобой, Маша? Тебе плохо? Ника, Ника, скорее! – позвал он хозяйку.

– Ах, не волнуйтесь за нее, Игорек, это пройдет! – приближаясь, сказала она совершенно спокойно и повела молчавшую Марию в дамскую комнату. Опрыскав ее лицо какими-то резкими духами, Редозуб прошептала:

– Это у тебя от волнения – первый-то раз с Юрием Власовичем говорить – не фунт изюму съесть! Сейчас вызову тебе машину, погоди чуток, вот прими-ка еще это!

Но на сей раз Маша, пришедшая в себя, категорически отклонила предложенную ей розоватую таблетку. А Игорь Антонов, ревниво следивший за нею, на сей раз вызвался сопроводить ее до дома.

Он был чрезвычайно уязвлен решением «босса» и не мог понять: ну почему Маша? Почему Юрий Власович одарил вниманием не его – маститого члена-корреспондента, а эту едва оперившуюся девицу? Да, она бесспорно талантлива, но... скорей всего, «простофиля» Машенька здесь ни при чем. Это «рандеву» с боссом ей, конечно, Колобок устроил – с детских лет этот «проньера» Метельский за ней увивается, – к такому выводу пришел размышлявший по дороге Антонов и пытавшийся узнать у Ивлевой, зачем Юрий Власович вызвал ее на разговор, но безуспешно – Мария упорно молчала...

* * *

Мадам Редозуб поначалу вовсе не была законченной «злодейкой», как представлялось Маше Ивлевой и Але Маевской. Окончив консерваторию по классу вокала, Ника отказалась от карьерной стези, а ведь могла бы далеко пойти – с ее-то внешностью и красивым контральто. Но из-за мужа Яши, категорически настроенного против ее самостоятельности, ограничила себя преподаванием в музучилище. И первые десять лет их супружества были довольно гармоничными: он лоснился от гордости своей красавицей-певицей, выступавшей на домашних вечеринках тогдашнего «высшего света», она же наслаждалась вниманием высокопоставленных мужчин.

Обладая от природы добрым сердцем, Ника охотно помогала бедным знакомым и даже тайком от мужа опекала детский дом. Проявляла искреннюю щедрость к тем, кто попадал в беду. Но, отпраздновав свое сорокалетие, стала испытывать приступы зависти к тем женщинам, кто был моложе. Особенно к тем, кому сопутствовал хоть какой-то успех. К тому же,

охмуренная модным поветрием, начала увлекаться колдовскими делишками. Связалась даже с гадалкой, которая позже стала неоднократно появляться в программе «Третий глаз». И в голове Ники, и без того пребывавшей в эйфории от внешнего блеска, вообще все смешалось. Теперь ей доставляло особое удовольствие испытывать власть над теми, кто никак не подозревал о силе воздействия пресловутых «приворотных» и подобных им зелий...

К Маше Ивлевой Ника питала двойственное чувство: с одной стороны, жалела профессоршу, иссушившую мозги наукой и растратившую молодость непонятно на что, ведь поклонников-то, чтоб увивались вокруг Марии, вроде бы не было. Ходили, правда, слухи, что Игорь Антонов неровно дышит. Но к члену-корреспонденту Антонову Ника и не думала ревновать. Тщеславная, она всегда метила в настоящих знаменитостей – вот Разунов был популярен действительно. На Западе ему заказывали свои портреты даже главы государств, и нигде в выставках и деньгах он недостатка не испытывал, хотя и слыл у нас отъявленным русофилом. Поэтому высоким притязаниям супруги адвоката художник соответствовал вполне. С другой стороны, карьерные перспективы Маши, особенно проявленный к ней интерес «небожителя» Юрия Власовича, больно задевал самолюбие мадам Редозуб. И даже представив Ивлеву партийному боссу, тем самым угодив ему, она ревниво продолжила слежку за наивной профессоршей – старой девой, далекой от светских интриг.

* * *

Вспоминая подробности того злополучного вечера, Мария Силантьевна сказала Алевтине:

– Нисколько не сомневаюсь теперь, что Редозуб мне тогда в ликер что-то добавила, может, даже капли психотропные. А я-то – сплошной наив!

Оставив Алё ночевать в гостиной, Маша долго сидела в своем кабинете, перелистывая семейный альбом. Вот дед с бабушкой накануне Первой мировой: он – в форме выпускника реального училища, она – в наглухо закрытом платье с изящным кружевным воротничком. А на крошечной потертой карточке – тонкое удлиненное лицо, это брат дедушки – Володя в форме семинариста. «Он ведь был архиерей, – не раз шептала внучке бабушка Фаина, – его в Перми в 19-м году расстреляли, и никто не ведал, где его могила. – При этих словах она начинала всхлипывать, продолжая: – Вот праведник-то истинный был! Таких людей, внученька, теперь нигде больше нет! Царствие ему небесное!» А вот отец – полковник, только что вернувшийся с фронта. Его светлые волосы и простое крестьянское лицо выдают в нем уроженца северных краев. А мама – утонченная темноволосая студентка с бантом-бабочкой на шее. Вот они уже вдвоем такие радостные – только что отпраздновали окончание отцом Дипломатической академии.

Так уж сложилось, что родители Маши постоянно пребывали за границей, а дочь их оставалась в Москве на попечении деда и бабушки. И с раннего детства главным человеком в жизни девочки стал дедушка Иван Гаврилович, любивший ее беззаветно. После войны он занимал высокую должность в Министерстве путей сообщения, часто ездил по стране. И когда Машенька чуть подросла, стал брать ее с собой в командировки – благо, что в его распоряжении всегда было служебное купе. Эти поездки и зимой, и летом сызмальства открывали Маше необъятность и красоту родных просторов. Но во многих городах и всях врезались ей в память на всю жизнь жуткие картины послевоенной разрухи: особенно – сидящие вдоль тротуаров и на вокзалах безногие, безрукие бывшие солдаты, просившие милостыню – потом все они куда-то пропали. Вспоминая их, она всегда плакала. С тех пор сердце девочки навсегда было ранено народной бедой.

Однажды она случайно услышала слова деда, обращенные к бабушке Фаине:

– Знаешь, что воспитательница-то про Машку говорит? Заберите ее лучше из садика! Ребенок-де совсем не приспособлен: ее все обижают, а она молчит, все детям отдает, все игрушки! Всех жалеет – собаку хромую увидит – тут же в слезы! Как же она жить-то будет в этом волчьем мире, наша Мимоза, а? Ведь овца беззащитная! И самой-то ей ничего не надо...

– Не беспокойся, Ваня! На себя посмотри – тебе ведь тоже для себя самого ничего не надо – только для других и живешь, а? Бог милостив, не пропадет наша Мимоза, – ответила тогда Фаина мужу, тяжело вздохнув. И с тех пор «домашние» стали звать Машеньку Мимозой или ласкательно – Мими.

А вот на этом фото – Маша на каникулах в Лопатинске у тети Клавы: сидит с удочкой на берегу рядом с вихрастым Димкой-соседом – ее первой любовью. А вот – последняя ее любовь: высокий юноша с пасмурным лицом – отдаленно схож с молодым Рахманиновым, как казалось ей когда-то. Он стоит под большим зонтом, а Мимоза в длинном пальто – рядом, робко прислонившись к нему.

При жизни деда и бабушки целомудренная внучка ни с кем не встречалась, в отличие от своих раскрепощенных сверстниц. Лишь много лет спустя, выдержав суровый экзамен в аспирантуру, Мими позволила себе немного развлекаться. Так очутилась она в Ленинграде и направилась в вожаденный Эрмитаж, где в тот момент открылась первая у нас в стране выставка Пикассо из частных собраний. Остановившись у «Франсуазы», Маша услышала за своей спиной голос:

– Как он препарирует женскую сущность, а?

– Вы меня спрашиваете? – живо обернулась Мими.

– Хотел бы спросить... извините, может помешал? – деликатно продолжил незнакомец, выразительно взглянув на девушку. Она же сильно смутилась, увидев перед собой высокого юношу, слегка улыбавшегося ей.

– Да нет, что вы, – пролепетала Маша и быстро перешла к другой картине. А он медленно последовал за нею. Потом она снова обернулась, и он тут же поспешил признаться:

– Не подумайте, девушка, что я намерен вас преследовать. Мне интересно лишь узнать, нравится вам все это или нет?

– Нет, не нравится!

– Но почему? Вот посмотрите, какими острыми углами он муки ее интеллекта показал. Или вы не считаете Пикассо великим художником?

– Не считаю, – отрезала Маша и поспешила выйти из зала. Но упрямый незнакомец подскочил к ней в гардеробе и не совсем уверенно произнес:

– Я... я хотел бы с вами познакомиться, но не знаю, с чего начать!

– Так и начинать не стоит, раз не знаете! – отпарировала она уже на выходе.

С неба валил мокрый снег, заставивший Мимозу мгновенно ощутить весь неуют поздней ленинградской осени.

– В такую погоду лишь волки по улицам гуляют. Может, зайдем с вами в «Север», неплохо бы сейчас и кофе попить, а? Меня кстати зовут Максим, а вас?

– Меня? Маша, – почему-то сдалась она, и они дружно двинулись в сторону Невского.

Возвращались в Москву в одном вагоне: чтобы не упустить Мимозу, Максим поменял свой билет. Почти каждый вечер теперь они бродили по бульварам, иногда заглядывая то в чебуречную, то – в кино. Говорили о самом сокровенном. И Маша потеряла голову. Когда он почему-либо не звонил ей в условленное время, она начинала сходить с ума.

Максим оканчивал аспирантуру МАИ, готовился к обсуждению своей диссертации. По этой причине весной они виделись все реже и реже. Но поначалу это не беспокоило Мимозу, ведь Максим успел предложить ей руку и сердце, как и подобало благовоспитанному юноше. И на «интим» вовсе не претендовал. Но однажды за целую неделю не позвонил ни разу, и это

обстоятельство взорвало Машу. Собравшись с силами, она заявила ему, что все между ними кончено. Лишь тогда он примчался просить прощения...

Когда до свадьбы оставались считанные дни, сердобольная Мими оставила припозднившегося Максима на ночь у себя. Безумно влюбленная, она решилась на это из страха за него.

Проводив его утром до метро, Мимоза долго потом бродила по улицам. Она была в смятении... Интимная близость представлялась ей совсем иначе. То, что произошло между нею и Максимом, оставило горький осадок в душе: словно это был не ее любимый Максим, а кто-то чужой и жестокий. Ее сжигал теперь ужасный стыд – и перед ним, и перед самой собою. Ей померещилось, что она сама, Маша, превратилась вдруг в какое-то грязное животное. Ощутила себя навсегда оскверненной. И резко охладела к нему, особенно в тот момент, когда он выказал циничное недоумение по поводу ее сохранившейся невинности...

Но свадьба-то уже была «на носу» – ко дню торжества из Вены собирались прилететь родители. Однако... Максим исчез. И обескураженной невесте пришлось сообщить отцу, что все отменяется.

Она не помнила, сколько ночей не смыкала глаз, когда душевная боль переросла в тупое отчаяние. Ее сознание разрывали противоречия: то она вспоминала их романтические прогулки и в дождь, и в снег, то с ужасом переживала вновь подробности той злополучной ночи, пытаясь вытравить из своего сердца «этого мерзавца». Однако такую великую любовь напрочь вырвать из сердца ей было не под силу. И она безутешно задавалась вопросом: как Максим мог стать таким? Почему? Откуда в нем столько мерзости? Неужели вообще между мужчиной и женщиной все та-ак происходит? Еще раз что-либо подобное я просто не переживу! Гм... а ведь мама у него милая, интеллигентная, в «менделеевке» преподает... Временами страдание Мимозы казалось ей самой невыносимым. И если внешне она все же пыталась быть «в форме», то внутренне – медленно умирала: все опостытело ей... Боль, стыд, унижение ожесточили поначалу ее сердце. И оно покрылось тонкой ледяной корой. Лишь постепенно углубляясь в осознание случившегося, Маша признала и собственную свою вину: значит, совершила тяжкий грех, уступив Максиму. И была настолько слепа от страсти, что не сумела распознать в нем предателя...

* * *

Сия история кому-то показалась бы банальной, но в душе девушки она произвела фундаментальный переворот. С тех пор ее кроткий нрав удивительным образом соединился с железной волей: задумывая совершить что-либо, она становилась непреклонной. Именно эта черта характера стала причиной ее одиночества. Мимоза раз и навсегда решила: замуж выходить – это не для нее! Ведь настоящей-то любви на этом свете нет – одни только иллюзии. И брак собственных родителей представлялся ей далеко не безоблачным. И жизнь бабушки Фаины с дедом Иваном была отнюдь «не сахар». Ведь бабушка почему-то не уставала повторять подраставшей внучке:

– Учись, Мими! Какой бы муж тебе ни попался – не сиди дома, как мать твоя и я, грешная! Будь самостоятельной, нам, женщинам тоже нужна свобода!

Вскоре научным руководителем Марии Ивлевой согласился стать профессор Нилов. Что за невероятная это была удача, она поняла лишь много лет спустя. Кем же был Конрад Федорович? Сын московского профессора-востоковеда, он с юных лет изучал китайский и фарси. А после революции оказался вместе с родителями во Франции, продолжив образование в Сорбонне. Не раз вспоминая о Париже, он поведал Маше о своем природном любопытстве ко всему тайному, что привело его в те далекие годы в масонскую ложу. Пройдя через обряд посвящения, он вскоре убедился, что идеалы вольных каменщиков ему, православному, совершенно чужды. И Нилов остановился, не желая подниматься вверх по масонской лестнице. Но и отстраняться совсем не стал, поскольку старался и далее проникать в сокровенную жизнь

«братьев», твердо решив для себя: чтобы бороться с неприятелем, надо вскрывать его тайны, как вспарывают нарыв. И Нилову, зараженному азартом исследователя, это удавалось довольно долго...

По возвращении на родину в конце 1920-х годов занимавшийся историей тайных учений и сообществ, молодой ученый был привлечен к работе в Наркомат иностранных дел, чему поспособствовал его родной дядя, слывший известным специалистом по криминалистике и высоко ценимый большевиками. Одновременно Нилов начал чтение лекций для узкого круга особо доверенных лиц, собиравшихся в старинном особняке с колоннами – в «Институте красной профессуры». И вскоре это учреждение оказалось «в фаворе» у самого вождя. Поскольку Сталина чрезвычайно волновал вопрос о тайных силах в мировой политике, он проявил значительный интерес и к молодому скромному профессору. С тех пор за Ниловым раз в месяц в арбатский переулок стал заезжать черный «студебеккер» и отвозить его на Ближнюю дачу генсека...

В стенах Института Конрад Федорович продолжал трудиться всю свою жизнь. В последние годы среди его учеников появилась Мария Ивлева. Именно в ней увидел старый профессор свою преемницу. Ведь и для нее графский особняк в лабиринте Арбата всегда сохранял притягательный ореол храма науки, но не только: он оставался хранилищем нераскрытых тайн, где тени его прежних обитателей тихими ночами свободно разгуливали по залам и коридорам. И звуки их голосов в кромешной тьме гулким эхом возносились к высоким лепным потолкам. Иногда Мимозе снился карнавал прежних его насельников, где графини и кавалергарды истово кружились в едином хороводе с дворниками и чекистами в кожаных куртках.

* * *

А поначалу старенький Конрад Федорович казался ей слишком старомодным: больше говорил о церкви, чем о науке. Даже спросил как-то Машу, давно ли она перечитывала Экклезиаста, и поймав ее растерянный взгляд, лишь тихо покачал головой. Библия в старинном кожаном переплете досталась ей по наследству – бабушке Фаине под страхом смерти удалось сохранить ее как реликвию – единственное, что осталось в семье от убиенного епископа... И вскоре Мимоза стала ежедневно погружаться в содержание Великой книги. Но вникала в нее лишь умом – как при чтении «Илиады» либо «Доктора Фаустуса». Душа же и дух ее витали в ином измерении...

Однажды вечером возвращаясь из ИНИОНа, Мария спустилась в метро. В вагоне было пусто. Усевшись поудобнее, она спокойно достала Библию из сумки, затем перевернула очередную страницу Евангелия. И вдруг ощутила легчайшее дуновение воздуха, коснувшееся ее лица, а перед глазами мелькнула тончайшая темная пелена, как паутинка. И внезапно над нею нависла чья-то тень. Она хотела поднять глаза вверх, но не смогла: что-то сильно придавило голову. «Что это со мной? Ведь рядом никого нет», растерялась Мими. Взглянув вниз, заметила мужские туфли, они показались ей необычными – узконосые, темно-коричневые, с каким-то налетом старины. «Такие сейчас никто не носит – этак век восемнадцатый», – пронеслось в мозгу. И вдруг она стала молиться, как могла, отчаянно взывая: «Господи, помоги мне, спаси мя! Сделай что-нибудь!»

И с огромным усилием подняла голову: незнакомец, неподвижно застывший над нею, поразил своим видом: его удлиненная узкая фигура в темно-синем плаще, черном берете, слегка надвинутом на белокожем лице, была настолько эфемерной, что казалась сотканной из воздуха. Лишь черные его глаза весьма ощутимо излучали неземную, нечеловеческую злобу. Он смотрел на Машу в упор, не шелохнувшись, плотно сжав змеино-узкие губы.

«Иностранец! У нас таких нет... да и на человека он мало похож... инопланетный, что ли... а я-то ему зачем?» – лихорадочно соображала Мимоза, вдруг снова увидев перед собой

проплывающую пелену. Но лучи от «черного существа» постепенно слабели. Скосив глаза в сторону, она заметила в его прозрачной руке портфель странной закругленной формы. Незнакомец достал из него белую книжицу и поднес ее близко к машинному лицу. Она прочла название, отпечатанное красными буквами: «I wait for you». И в тот же миг раздался голос машиниста: «Станция Шаболовка». Подняв глаза, Маша никого больше не увидела. «Космический пришелец» бесшумно исчез, будто его и не было.

Обескураженная Мимоза выскочила, не помня себя, из метро и жадно вдохнув глоток холодного воздуха, стремглав бросилась бежать. У дверей своего подъезда с опаской оглянулась – не преследует ли он ее...

«Кому рассказать – кто поверит? Никто! Но ведь это действительно было. Решат, что Ивлева-то свихнулась – вот смеху-то в институте будет: мол, ее уже инопланетяне преследуют, ха-ха!» – думала Мими, пытаясь прийти в себя после жуткой встречи. Ведь ни во что мистически-потустороннее она раньше серьезно поверить не могла, ни в какую иную реальность. Хотя ей припомнилось вдруг: два года назад, увлекаясь опытами по книге Шри Раджниша, она зажгла ночью свечу и взглянув в зеркало, вскрикнула от ужаса, на миг увидев там... чужое отражение. Но постаралась тут же уверить себя, мол, ей это просто померещилось – от свечного пламени нарисоваться может что угодно... Ведь вся действительность тогда воспринималась ею под знаком непоколебимого диалектического материализма. Однако случившееся сегодняшним вечером настолько потрясло Машу, что расколов ее сознание, напроочь перевернуло картину мира в ее пыливой голове!!!

В машинной памяти всплывали образы «черного человека». Вот к Моцарту являлся же некто – «Реквием» заказать. А у Чехова – черный монах, а у Томаса Манна... – пыталась припомнить она. Да ведь это не просто фантазии художников, это было на самом деле, да! Вот и на меня вышел «черный человек» в метро. Смятенная этой мыслью, она снова стала молиться: «Господи, помоги мне! Вразуми меня! Спаси и сохрани...»

Мария осознала, что единственным, кто смог бы ее понять и поверить ей, был Нилов. Но он недавно умер. Ей вспомнилась вдруг Кирсановка: яблоневый сад, старый дом с покосившимся крыльцом. В просторной комнате с занавешенными окнами царил таинственная тишина. В углу перед иконой Божией Матери Одигитрии теплилась лампада. Тяжело больной Конрад Федорович полулежал на узком диване, укрытый теплым пледом. Подозвав Машу поближе и жестом указав на этажерку у стены, еле слышно проговорил:

– Видите? Там над двумя книгами синяя такая папка – это для вас, Мария! Когда прекратите гнаться за призраками, тогда и раскройте ее – там нечто интересное для вас, документы еще с 20-х годов и по сей день засекреченные, и вообще много всего. Но никому об этом ни слова! – ведь знаете, какой у нас первый-то отдел? И не проговоритесь Антонову – он-то больше всех заинтересован. Гм, да и дома-то у себя не храните, лучше бы у того, кто от науки далек. Господь вас вразумит...

Та самая синяя папка теперь хранилась на антресолях у подруги детства Софки Янгель, которой содержание папки было неизвестно, да и вовсе неинтересно – выпускницу Гнесинки волновала только музыка...

«Вот и настал час открыть ее, вплотную заняться... Но времени-то совсем нет, – подумала Ивлева. – А ведь Конрад Федорович-то предупреждал, что спешка – это от дьявола! Нет, надо сначала все взвесить... Да он тогда еще в последний раз сказал так грустно: “Не забывайте, деточка, – чтобы что-то найти, нужно что-то потерять”... И Маше тогда показалось, что многое в ее жизни уже потеряно.

* * *

Через месяц Мимозе позвонил Леонид Метельский – бывший ее однокурсник. Со студенческих лет ему нравилась только она. Именно нравилась, поскольку для любви он просто был не создан – с его холодным сердцем и неприглядной внешностью. Полноватый и маленький Леня, по прозвищу Колобок, с детства ощущал себя обиженным судьбой. Но учился всегда с легкостью на одни пятерки. И возмужав, с горечью осознал, что ни одной симпатичной девушке он «просто так» никогда не будет интересен. И тогда же решил: «Я создан для карьеры». Сильный интеллект и выдающаяся работоспособность Ленчика сделали свое дело: к тридцати пяти годам он поднялся на недостижимую для его сверстников высоту, став помощником секретаря ЦК партии – по сути, второго человека в стране. Метельский и до сих пор не был женат, делал Маше предложение неоднократно. Она же старалась сохранить с ним только приятельские отношения, как и со всеми другими воздыхателями. И догадалась, наконец, что именно Метельский «сосватал» ее «серому кардиналу». Ведь Колобок был настолько упорным в достижении своих целей, что до сего дня не терял надежды «заполучить» Ивлеву в жены во что бы то ни стало. С сим намерением он и решил приблизить Машу к окружению своего «заоблачного» шефа, нашептав ему о чрезвычайных дарованиях молодой профессорши.

– Собирайся-ка, Машер, на ковер – через три дня шеф ждет тебя к двум часам! Да не вздумай робеть перед ним, он скромняг-то не очень жалует! Если что, я тебя подстрахую, ясно?

– Уж куда яснее, Ленчик! Я ведь догадалась, что свиданье-то у Редозубов именно ты подстроил.

– А если и так, сама же потом будешь благодарить меня, Машер!

Очувтившись в просторном кабинете на Старой площади перед приподнявшимся из-за стола грузным боссом, Мимоза слегка поежилась. Но вмиг сосредоточившись, пожалала протянутую ей липковатую руку «небожителя».

Кинув на Ивлеву тяжелый взгляд из-под квадратных очков, Юрий Власович приступил к делу:

– Нам прежде всего надо показать истинную роль некоторых деятелей партии и культуры, – как вы на это смотрите, Мария Силантьевна? Ну, серию передач сделать, в журналах осветить, а?

Слушая ее внимательно, «серый карди» одобрительно кивал:

– Да-да, верно, все, что под запретом было – и бунинские «Окаянные дни», епископа Евлогия, Шульгина, Замятина. А про самиздат-то не забыли? – Надежду Мандельштам, Гинзбург-Аксенову?

Удивляясь соглашательской реакции патрона, Маша осмелилась произнести:

– Не пора ли, Юрий Власович, перестать из Сталина «козла отпущения» за все большевистские грехи делать и наконец-то к неприкасаемой фигуре Ильича перейти и к другим тоже? Ведь подлинную их роль в истории надо скрупулезно исследовать, прежде чем дешевые журналистские ярлыки навешивать?

– Ну насчет Ленина я с вами категорически не согласен! Его письма, комментарии-то о расстрелах церковников – вещи взрывоопасные, да и история с Инессой Арманд... Рано еще об этом, люди наши не поймут. А вот о Бухарине что-то положительное, да и о Троцком, разумеется, стоит подумать, а?

– О Троцком?! Положительное?! – не выдержала Мария и взорвалась, – ведь именно он вместе со Свердловым начинал ликвидацию казачества! Гм... а в Петрограде не с благословения ли «иудушки» Троцкого «красный террор» разразился, когда десять тысяч лучших, образованнейших русских интеллигентов и дворян были расстреляны без суда и следствия?!

В сей миг «босс» впал в такую неопишемую ярость, что надолго замолчал, подумав: ах вот ты какая девица «вумная», ну погоди, интеллигентка, ты у меня еще попляшешь! А вслух, еле сдерживая себя, произнес:

– Ваша запальчивость, товарищ Ивлева, мне понятна, но могу на этот счет с вами и поспорить... Но не здесь и не сейчас...

Затем он долго еще говорил, что необходимо привлекать наш народ к современной западной культуре. Постоянно рекламировать технические достижения Запада, его успехи во всех сферах.

– Ну а главная наша задача – раскрывать ужасы сталинизма – до полнейшего умопомрачения! И обязательно осмеивать военных, ведь армия, вот увидите, скоро совсем не нужна станет – против кого воевать-то нам? Ведь врагов таких, как раньше были, у нас теперь нет.

Такая откровенность потрясла Ивлеву, и она посмотрела на него с неподдельным изумлением.

– Да, тяжелая миссия нам с вами предстоит. Надо подробнее все это обсудить после отпуска. Метельский известит вас, – завершил беседу патрон.

Когда Маша медленно покидала сановный кабинет, ноги не подчинялись ей, заплетаясь одна за другую. Лишь в секретариате, когда к ней подскочил Метельский, ей удалось унять внутреннюю дрожь.

– Ну, Машер, не так страшен черт, согласна? С шефом всегда договориться можно, поверь мне – матерому функционеру, – с довольной усмешкой сказал Колобок, – ну а со мной иметь дело – сплошное удовольствие, не так ли? В отпуск-то к закордонным предкам двинешь как всегда? Созвонимся, Машер?

Ну и обстановка! Стены давят, будто потолок вот-вот рухнет, сам воздух от напряжения звенит. Будто кругом все невидимой какой-то стальной паутиной затянуто. Похоже, что этот монстр из ума выжил? Что на самом-то деле замыслил? Куда клонит? – размышляла Маша, пытаясь сбросить с себя омерзительный осадок от визита к боссу.

О таком крутом повороте она раньше и подозревать не могла.

* * *

На венском вокзале Мимозу встречали родители: оба худые, похожие на два тонких деревца с недавно облетевшей листвой. Как постарели, а я о них так мало думаю! – кольнуло в ее дочернем сердце.

Жили они в Гринциге – старинном аристократическом квартале, разделяя просторный особняк с соседями – тоже семьей нашего дипломата. Отец Силантий Семенович был сотрудником при ООН, редко бывал дома. Мать Елена Ивановна писала маслом натюрморты и ландшафты, проводя свободное время на природе. Изредка муж присоединялся к ней – он был художником-любителем. Маша не унаследовала родительской тяги к живописи, хотя разбиралась в ней довольно сносно и охотно бродила по галереям и выставкам. Гулять по великому городу могла часами – от Штефанплац к Бельведерскому дворцу с его роскошным парком либо от Шведенплац через мост к театру «Одеон». Иногда с любопытством разглядывала фасады домов и нарядную пеструю толпу на знаменитой Кертнерштрассе. Так провела она первые дни отпуска, слегка окунувшись в уютную атмосферу австрийской столицы. Но не надолго.

Однажды утром Маша увидела из окна соседку – супругу советника Лаврина, спешащую к маленькому «фольксвагену». Столкнувшись с советницей через день во дворе, полюбопытствовала:

– Куда это вы, тетя Лера, так рано ездите? Уж не на рынок ли?

– Да нет, Машенька, не догадываешься? На службу, в церковь езжу, милая, – призналась соседка.

– В католическую?

– Да что ты, деточка, – в нашу! Ты разве не знаешь, что в храм Святого Николая еще в 1899 году сам царь на освящение приезжал?

– А где эта церковь-то, далеко?

– Ах, детка, ты и этого не знаешь! Да рядом с нашим посольством. Поедем со мной в воскресенье – сама увидишь, – с готовностью предложила тетя Лера.

Услышав о желании дочери пойти в церковь, отец согласился спокойно, но Елена Ивановна сказала:

– К чему это тебе, Мими? Ты еще молодая. Это нам, старикам, уже нечего терять – нас не уволят и в Инту не сошлют. Правда, Силантий? А вот ты, Машенька, всю карьеру себе испортишь!

– Да Машка ведь у нас – беспартийная! К тому же, Леночка, сейчас другие времена, вот увидишь – скоро все будет можно! Оставь дочь в покое, пусть идет! – увещевал супругу Силантий Семенович.

Когда Мими вместе с советницей входили в церковь, каждение уже началось, и прихожане замерли в низком поклоне. Потом голоса певчих взлетели высоко к самому куполу и устремились вниз, наполняя все внутреннее пространство невидимой силой, обволакивающей всех молящихся. Маша заметила, что с правой стороны к ней стала боком приближаться высокая дама. В ее орлином профиле, крупных брильянтовых серьгах и черных волосах, уложенных короной на горделивой голове, чудилось что-то инфернальное. Инстинктивно отодвинувшись от нее, Мария смотрела на закрытые ворота алтаря. Внезапно они открылись – началась «Херувимская песнь», о которой она до сих пор понятия не имела. Через минуту стала задыхаться, ощутив, что земля уходит из-под ног. Крепкие руки тети Леры успели подхватить ее и прислонить к колонне. К горлу подступила дурнота.

– Мне бы выйти, – жалобно пролепетала она.

– Терпи! – тихо приказала советница.

Наконец прихожане двинулись к причастию. И когда «бриллиантовая незнакомка» отдалась от Маши, ей как-то сразу полегчало. По окончании службы она стояла вместе с тетей Лерой на крыльце, которая раскланивалась со всеми. Мимо них проплыла и «бриллиантовая дама» в сопровождении пожилого грузного спутника, приветливо кивнув.

– Кто она? – нервно спросила Мими, остро всматриваясь в орлиный профиль.

– Это – княгиня Орликовски с мужем.

– Княгиня?! А кто они вообще?

– Как кто? Прихожане постоянные, почему они тебя интересуют, а?

– Со мной что-то странное случилось, тетя Лера, когда она ко мне приблизилась! Вы разве не заметили?

Советница недоуменно пожала плечами:

– Нет-нет, деточка, этого не может быть! А вот почему в обморок во время «Херувимской» падают, я тебе потом объясню! – строго сказала она и заботливо взяла Машу под руку.

По дороге домой советница медленно произнесла:

– Никогда ни на кого не думай, будто кто-то на тебя порчу навел и тем более в церкви, где ты перед самым Господом стоишь! Знаешь ли, отчего ты в обморок чуть не свалилась? – от грехов своих нераскаянных! Так бывает иногда с «новоначальными». Гм, на исповедь тебе нужно, деточка, слышишь?

– Ах, тетя Лера, боюсь я... гм... да и молитв-то, кроме «Отче наш», не знаю вовсе. Вот профессор мой, покойный Конрад Федорович, верующим был, но мало говорил со мной о вере. А вот недавно открылось мне, что неведомые человеку силы действительно есть, да-да, здесь же на земле!

– Скажешь тоже – «силы неведомые»! Знаешь ли, как они на самом-то деле называются, а? Очень просто – бесовскими! А ты, судя по всему, уразумела так, что если дьявол существует, то и Бог, наверное, тоже? Значит, к вере как бы «от противного» идешь – с «черного хода». Гм, и так бывает, но это все же лучше, чем в безбожницах ходить! Расскажи-ка обо всем священнику, не медли! Знаешь, как наш отец Варсонофий глубинно исповедует?

О том, что было через неделю в храме Св. Николая, Маша вспоминала сквозь туман. Потом спросила тетю Леру об игумене Варсонофии, кем он раньше был?

– На подлodge служил, болел долго... по воле Божией постриг принял. Ну, а в Вену к нам попал, наверное, потому, что языки знает и вообще очень образован. Но это всего лишь мои мирские догадки, не более того...

* * *

Мария приближалась теперь к тому сокровенному переживанию, давно забытому. К тому, что в раннем детстве вызывало в ней душевный трепет. Вспоминала, как вместе с бабушкой Фаиной и тетей Клавой ходили из Лопатинска в ближнюю деревеньку Старый Ручей, где на высоком холме стоял светлый с голубыми куполами храм. И тот весенний день, когда все говорили друг другу: «Христос воскрес!»

«Как могла я столько лет без этого жить?! Свято верить в диамат-истмат?!» – теперь эта мысль ужасала ее....

* * *

Перемену в душевном состоянии дочери родители вскоре заметили и деликатно дали понять, что желают побольше узнать о ее московской жизни. И Маша наконец решилась поговорить с отцом о своем новом назначении. Силантий же Семенович, будучи уже много лет советником при ООН, был политиком весьма искушенным, чтобы сразу понять, откуда «ветер дует». И удивился чрезвычайно.

– Пойдем-ка, Мими, прогуляемся, – сказал он вдруг, молча обведя глазами стены и телефон, – погода сегодня отличная!

– Просто замечательная, папа! – усмехнулась дочь, разыскивая зонт в коридоре.

Беседу продолжили под проливным дождем.

– Наши «бонзы»-то застолбить себе хотят то, что пока еще государству принадлежит, понимаешь, Мими? – стать совершенно открытыми собственниками, то бишь капиталистами жаждут! Ведь и золото партии уже давно за рубеж переправляют. А для чего? Да чтобы потом присвоить. Если страну нашу хорошенько тряхнуть – вниз головой подвесить, ну тогда все возможно будет...

– Да как же это, папа?

– Ну к примеру, можно команду наверху поменять, что, кстати, наш генсек неподражаемый уже начал. Хаос потом спровоцировать. Под лозунгом свободы и демократии, «под шумок» насадить во власть частный капитал. Вот увидишь, скоро нечто подобное случится, может, и Союза не будет, и страна расколется на части!

– Да это же уму непостижимо, папа! Ты действительно в этом уверен?!

– Ну, эдак процентов на семьдесят, я ведь многого даже тебе, Машенька, рассказать-то не могу, – твердо произнес Ивлев и, вздохнув, добавил: – Твоя должность, гм... странно как-то – овце беспартийной в ЦК предложили? Может, им нужны сейчас такие, кто за власть бороться не будет, ну, «лошади рабочие», а? Вообще-то откажись-ка ты, дочь! Уходи оттуда, иначе все равно съедят, слышишь?

– Я и сама так думаю, папа! Только из Академии уходить жаль.

– Конечно, но твоя ситуация может стать опасной. Лучше б тебе даже в Москву не возвращаться, а? Нам с матерью уже ничто не грозит, в лагерь не загонят, – не те теперь времена!

– Ты это что, серьезно, паа?! Да как же... гм... нет, я без России жить не смогу! – взволновалась не на шутку Мария, растерянно глядя на отца. А он тихо проговорил:

– Ну, Мими, успокойся, придумаем что-нибудь...

* * *

В воскресенье после литургии Маша дождалась игумена. Поведав о своих делах, просила у него совета.

– Да стоит ли вам, Мария, жизнью из-за должности рисковать? А если все же не отступите, то ради чего?

– Ну в общем, отец Варсонофий, я изучаю, как мысли писателей, ученых, политиков влияют на людей, как проникают в сознание общества.

– Что ж, тема-то очень нужная, ведь необходимо знать, какими идеями будет охвачен наш народ. Но учтите, Мария, что прежде надо бы подумать о спасении своей души, а потом – о судьбе народа.

– А что же может важнее-то быть, чем судьба родины, батюшка Варсонофий? – удивленно воскликнула Маша.

– Ну если вкратце сказать, то родина человека ведь на небе, а не на грешной земле. А если он родину-то земную выше Небесной родины вознесет – что тогда будет? Суета сует и томленье духа.

– Гм, а как же, отец Варсонофий?

– Вдумайтесь-ка, если у вас идея спасения России на первом плане стоит, то Бог-то на второй план отодвигается, не так ли? Вам решать – бороться ли сейчас за справедливость самозабвенно или прежде всего к жизни духовной обратиться. Ну, как батюшка Серафим Саровский сказал: спасайся сам, и вокруг тебя спасутся и другие!

Эти слова игумена глубоко взбудоражили Машу, вызвав в душе острое несогласие с ним. Но что-то все же остановило ее от возражений ему.

«Да как же так, – думала Мими, бредя по темным венским улицам, – почему я сначала о своем собственном спасении печься-то должна, а не о служении родине?! Разве это угодно Богу? Разве отдавать свои силы на благо ближних – не долг христианина? Разве при этом Господь непременно на второй план отодвинут будет? Не вмещаю того, что игумен говорит! Видимо, я не доросла еще».

Через неделю Маша рассказала отцу Варсонофию о встрече с «черным пришельцем», столь потрясшей ее, до сих пор не дававшей покоя. Выслушав ее со вниманием, игумен спросил:

– А вы не припомните, что предшествовало той встрече-то? Ведь демоны просто так, без причины никогда не являются людям! Не упоминали ль при ком-то вслух о враге рода человеческого?

– Да нет, батюшка... а, впрочем, ну, не я сама, а в моем присутствии, да, было так, – и в памяти Мимозы вспыхнула вдруг сцена с выходкой Ники Редозуб, однажды в окружении гостей воскликнувшей, что ее идеал – это тот, кто самому Богу вызов сделал. И в тот же миг лицо черноокой красавицы будто молнией озарилось, и она предложила, как бы в шутку, тост за Люцифера, а гости засмеялись и выпили.

– И вы, Мария, тоже?!

– И я в первый миг засмеялась. Ну по инерции. Из стадного чувства – это меня гложет до сих пор! Но пить не стала, это же так мерзко было – надо было встать и сразу уйти, как только

я опомнилась! Но я просто промолчала, чтоб хозяйку не обидеть, думая, что она не совсем понимает, кто такой Люцифер.

– А ведь это был момент соглашения с сатаной! Вот бес-то за вами и погнался. Меня лишь одно теперь удивляет, как вы живы-то тогда в метро остались. Гм... вот к чему человеко-удогие-то ведет! И еще не пойму, как вы Библию-то, Библию вознамерились в метро читать?!

С поникшей головой Маша еще долго слушала игумена. А он говорил: кто не раскался в грехах своих, тот лишается благодатной защиты Святого Духа, тот становится открытым демонскому стрелянию. И чем более одарен человек, тем с большим азартом бросаются на него демоны. Они жаждут подчинить его их воле.

«А ведь это и обо мне, – подумала Мария, – речь не об одаренности, нет, а о моем тогдашнем дурном увлечении».

Еще в юности Мимоза разделяла расхожее мнение наших высоколобых интеллигентов о православии, не видевшими в нем за церковными обрядами ничего духовного – мол, это – для «простецов». И вслед за многими знакомыми Маша соблазнилась восточной экзотикой, гонялась за самиздатом. И не только: несколько раз она даже пыталась под руководством «гуру» медитировать по методу Шри Раджниша, якобы открывавшему выход на контакт с Космическим Разумом. Это были упражнения по «глубинному погружению» со свечой и зеркалом в темноте. И поначалу ей действительно казалось, что она проникает в нечто таинственное, однако вскоре перед ней забрезжили жутковатые очертания призраков. Потрясенная, она в ужасе отпрянула от зеркала. С того момента она напроочь отказалась от йоговских и дзен-буддистских «заморочек».

«Как могла я тогда клюнуть на все эти приманки и с ведьмой Никой общаться? – а все из-за дурного любопытства, из-за книг... ведь это страшный мой грех...» – мучительно размышляла Ивлева. До отъезда своего в Москву она еще не раз приходила к священнику на исповедь. А потом они просто беседовали, и нередко он говорил о событиях грядущих:

– В Кремле соборы откроют, народ в церкви ломиться начнет, всей семье царя-мученика Николая молиться будет. А на месте бассейна «Москва» Храм Христа Спасителя восстановят.

– Возможно ли в такое поверить, отец Варсонофий?! – поражалась Мими предсказаниям игумена.

* * *

Соседи неожиданно пригласили Ивлевых отпраздновать приезд сына Антона. Огромная гостиная Лавриных была залита светом от антикварных люстр. Лицо хозяина, Сергея Денисовича, засияло радостью, когда к гостям вышел Лаврин-младший.

– Давненько ты, Антон, не навещал родителей. Уж года три? – спросил Силантий Семенович.

– Уже пять лет. А ты Маша, часто приезжаешь? – полюбопытствовал дипломат.

– Да уж почаше, чем вы, – сказала она, с интересом взглянув на сильно постаревшего Лаврина-младшего.

Черты лица его выдавали мужественный характер, но глаза смотрели на мир с какой-то неизъяснимой скорбью. С тех самых пор, как внезапно ушла из жизни его жена Вера, он посвятил себя воспитанию двух сыновей-близнецов, теперь уже оканчивающих университет. А тетя Лера призналась как-то Машеньке, что смерть невестки – Божие наказание за ее, Лерины, грехи. И слова добродетельной советницы казались Мимозе чересчур странными: это ведь таинство, и почему кто-то вдруг умирает, ведает один только Господь...

Гости просидели за изысканным столом Лавриных до полуночи, обсуждая события в Африке и Европе, а о том, что происходило у нас, старались говорить иносказательно, озираясь на стены...

* * *

На следующий день Антон позвал Машу прогуляться по центру. Заглянули в современное кафе «У Эйнштейна», потом прошли до Штефанплац. И Лаврин-младший неожиданно спросил:

– Так ты помощником у «серого» будешь, это правда?!

– Но я хочу отказаться от этого, только не знаю пока, каким образом, – призналась Ивлева.

– Я бы тоже постарался выскользнуть из лап сего «монстра» – ведь борьба за близость к нему нешуточная пошла. Трудно даже представить, какое тут переплетение интересов, и кто вокруг него теперь танцует – от цэрэушников до моссадовцев. Ведь от указов Юрия Власовича старая идеология обрушится. Ну а что вместо нее провозгласят, так теперь уж ясно – безбрежную демократию и свободу. Ха-ха! Вот лапшу-то народу на уши повесят! Но ничего не поделаешь, ведь грядущие у нас перемены спланированы уже на мировом уровне давно. Скорее всего, и Союза не будет, одни обломки останутся.

– Вы действительно так думаете, Антон Сергеич?!

– Мне нечего думать, Маша, увы! Я знаю, – со вздохом произнес он, – Ты же не станешь отрицать, что именно «закрытые структуры» определяют политику во всем мире, ведь так?

– Ну если говорить о неомасонских ложах в Европе – об этом я слышала, и о таких как Бнай-Брит – но они слишком закрыты, или Бильдербергский клуб и тому подобные, – простому смертному их тайны недоступны.

– Вот именно это я имею ввиду, госпожа профессор! И становиться пешкой в схватке за власть между «монстрами» – явно не для тебя! Ты все-таки женщина.

– Мне страшно от ваших слов, Антон Сергеич! И ведь отец-то в том же духе вещает, мол, оставайся здесь, в Вене, и нечего тебе сейчас в Москве делать, представляете?

– Остаться здесь? Да это в твоем случае – «соломоново решение»! Всегда считал Силантия Семеновича мудрым человеком! Понимаешь ли, Маша, в какую заоблачную сферу ты уже взвилась, а ведь это – клетка, западня, ну и дверца-то из нее за тобой захлопнулась! Эй, да ты не пугайся, что так говорю, – почти захлопнулась, почти... Ведь оттуда уже никого назад так просто не выпускают. У тебя есть единственный шанс – уносить ноги немедленно. И ведь оформить-то все можно вполне легально!

– Но я не могу представить себе жизнь вне родины, – растерянno промолвила она.

– Ты лирику-то эту оставь! Я тоже не представлял, но знаешь, как моя мама говорит: на все воля Божия! А в твоем случае речь не об эмиграции даже. Если Силантию Семенычу, как отцу, не совсем удобно твоим устройством заниматься, то для моего отца и меня это совсем не трудно!

– Потрясающе! Это действительно можно? Спасибо, Антон Сергеич!

– Пока что не за что. Начинай-ка готовиться к тихому исчезновению из Москвы. В ноябре я постараюсь там быть, но если не смогу – вот тебе номер, наизусть выучи! В любом случае, когда тебе позвонит Трофим Трофимыч, сразу беги на улицу к автомату, ясно?

– Конспирация необходима, господин Штирлиц? – засмеялась Маша и тут же осеклась, уловив суровый взгляд Лаврина-младшего.

* * *

Тетя Лера всегда болезненно переживала расставание с сыном. Лишь через две недели после его отбытия в Южную Африку она вновь обрела способность к общению. И в день Преображения Господня после литургии приняла, наконец, приглашение князей Орликовски на обед, куда и направилась в сопровождении Машеньки.

Семья потомственных русских эмигрантов обитала на одной из старинных узких улочек вблизи Южно-Тирольской площади в огромной квартире с двумя анфиладами комнат, живописным эркером и застекленной цветными стеклами верандой. Здесь все дышало антикварной роскошью. Гостей встретила дочь хозяев – тридцатилетняя Зинаида. Она была похожа на студентку – короткая стрижка, брюки. По-русски говорила с легким акцентом. Сопроводив дам в гостиную, скорее напоминавшую музей, тут же представила им своего дядю – графа Вадима Корфа, прибывшего из Мюнхена навестить родственников.

Вадим Ильич, родной брат хозяйки дома – княгини Ольги Ильиничны, был воистину хорош собой: осанист, подтянут, и с таким же, как у сестры, орлиным профилем. Высокий лоб обрамляли густые волосы с проседью, а голубые глаза, отливавшие стальным блеском, обливали в нем властолюбца.

Мгновенно оценив Марию Силантьевну как объект, достойный его «сиятельного» внимания, Корф принялся ухаживать за дамами с французской галантностью. Предложив им ознакомиться с семейными реликвиями – висевшими на стенах портретами предков, он кратко пояснял, кто из них и чем когда-либо прославился. Затем громко приказал племяннице:

– Неси-ка нам, Зиночка, шампанского!

Но на пороге гостиной уже стоял князь Орликовский с бутылкой в руках, а следом за ним вошла и княгиня с подносом, уставленным закусками. Хотя по церковному уставу в тот день полагалась только рыба, Машу поразило многообразие морепродуктов: тут были и гигантские лобстеры, и мидии, и навахи, и чипирони – совсем неизвестные ей обитатели моря. Но главным было общение, ведь потомки белоэмигрантов – особая каста, о которой простой советский человек знал лишь понаслышке да кинофильмам.

Неожиданно граф Корф обратился к Маше:

– Знаете, Мари, я скоро буду в Москве, кстати, впервые. Не хотел бы показаться навязчивым, но не могли бы вы уделить мне немного времени? Я мечтаю попасть в те места, что у вас иностранцам не показывают.

– Безусловно, Вадим Ильич! Для вас, как неофита, найдется много интересного.

Беседа продолжилась и после десерта, когда Корф подвинул свое кресло к расположившейся на диване Мимозе. К ее крайнему удивлению, он оказался наслышан о научных направлениях ее родного института. Затем спросил как бы невзначай:

– А вы, Мари, как к теме масонства относитесь?

– Ну, Вадим Ильич, не знаю, читала кое-что, но о современных масонах у нас мало что известно, мне, по крайней мере.

– А побольше узнать не хотели бы?

– Почему бы нет? При возможности не отказалась бы...

– А если я просветить вас могу, не откажетесь выслушать простого смертного?

– С превеликим интересом, Вадим Ильич! – ответила Мими, не скрывая своего недоумения.

– Я сам, дорогая Мари, состою в ложе «Экклесия вест» уже много лет – так сложилось. Ольга, сестра, всегда была против. Но что поделаешь? Разные у нас представления. Хотя в церковь и я по праздникам захожу. Только здесь, в Европе, нет у нас, православных, истинного единения душ. Понимаете ли? А среди масонов очень разные люди встречаются, но объединяться-то они умеют ради торжества справедливости, да еще как! Вот и в Москве подобные нам братья есть, и время такое – их время приближается, – в этот момент граф прервал свой монолог, пристально взглянув на Ивлеву, будто пытался прочесть на лице профессорши либо степень ее осведомленности, либо интереса. Но она, и бровью не поведя, спросила:

– А какое такое время, Вадим Ильич?

– Время больших перемен. Когда Россия станет, наконец, свободна от коммунистов, от диктата их партии. И вы сможете, ни от кого не прячась, ходить на литургию. За границу все

будут спокойно ездить... – расписывал он, – понимаю, Мари, из-за железного занавеса вам трудно вообразить, что такое настоящая свобода. Но поверьте – это вполне достижимо! И вы, как интеллектуалка, вскоре сможете это прочувствовать.

– Каким же образом, Вадим Ильич? Когда такой рай наступит?

– Вот окажусь в первопрестольной, познакомлю вас кое с кем, и вашей иронии поубавится. Мы организуем ваш приезд в Париж, с программой нашей ознакомим.

– О, Вадим Ильич, я просто польщена вашим доверием, но для меня сие весьма неожиданно. Да и вы меня-то совсем не знаете! – с легкой улыбкой произнесла Маша.

– А вот в этом, Мари, вы очень заблуждаетесь: нам ведь известно, кто был ваш учитель, и мой покойный отец, кстати, был с ним знаком. Мы знаем о вас вполне достаточно.

При таких странных словах графа сердце Мимозы дрогнуло: вот оно что! – она была действительно ошарашена, и чувство непонятной тревоги охватило ее. И на лице графа тоже промелькнула тень, но он с улыбкой продолжил беседу:

– Ну о парижских ложах вы, конечно, слышали, и о том, что мы собираемся возобновить их в Москве – догадываетесь? Расскажу подробнее, когда приеду. Вы телефон свой можете дать, Мари?

Когда Ивлева протянула ему свою визитку, он картинно улыбнулся:

– О, мадам профессор! А вас КГБ не арестует за связь, как они выражаются, с «эмигрантской сволочью»?

– Наоборот, граф! Благодаря знакомству с вами мой престиж в глазах этого всемогущего ведомства мгновенно взлетит, – иронично спрогнозировала Маша. А Корф при этом неожиданно откланялся и быстро удалился. Князя же Орликовски еще долго беседовали с гостями...

Как странно, – думала Мими, оказавшись, наконец, дома и укладываясь спать, – откуда Корф знает, что я – ученица Нилова? И вообще – что значат все его бредни о масонах? Что это – розыгрыш какой-то? Ну а кто такие господа Орликовски на самом-то деле? По стилю их жизни кажется, будто они унаследовали по меньшей мере миллион, а дочь их в сувенирной лавке продавщицей трудится. Странно. И еще удивительно, что кроме отца моего, три человека – дипломат, игумен и вот теперь сей непонятный граф – говорят о грядущих у нас переменах. Они, живущие на Западе, почему-то знают о якобы готовящемся у нас перевороте, а миллионы наших людей и понятия о том не имеют... А мне-то как быть? Видимо, Антон Сергеич прав, но... главное... как понять волю Божию? – за эту мысль зацепилась она как за соломинку, проваливаясь в сон...

* * *

Оказавшись вновь в грохочущей Москве после респектабельной Вены, Мимоза ощутила себя в родной стихии. «Да, мы живем в страшной суете и неустроенности, – думала она, – но это – моя жизнь!»

В институте ее ждал сюрприз: дирекция предложила ей трехдневную командировку в Тбилиси вместо заболевшего Игоря Антонова. Скрепя сердце, пришлось согласиться. С нею вместе полетел еще один сотрудник – индолог Растов. И сразу по прибытии в грузинскую столицу они «приземлились» в ресторане на торжественном приеме в честь участников симпозиума.

С Растовым Мария оказалась рядом в первый раз. Он выглядел весьма странно, даже жутковато: с наголо бритой головой и неподвижными, словно у покойника, блекло-серыми глазами, как будто стеклянными. Держался этот «йог» – как мысленно окрестила его Мими – очень чопорно, явно демонстрируя свое превосходство над окружающими. «Непонятно, в чем», – тут же подумала Маша, которую, однако, его молчаливая надменность вполне устраи-

вала. Вокруг них незнакомая публика резво наполняла бокалы. Растов и Мария пили только минералку и кофе. Но под конец ужина она вдруг почувствовала, что не может встать – тяжесть какую-то чугунную в ногах и... потеряла сознание. В больнице, лишь приоткрыв глаза, узнала испуганное лицо аспиранта Гии Ломидзе.

– Наконец-то, Мария Силантьевна! Вам лучше? Мы предоставим вам уход на высшем уровне, – взволнованно лепетал аспирант, но Маша, к его несказанному удивлению, громко возопила:

– Умоляю, Гия, срочно обеспечьте мне обратный рейс, срочно!!!

По возвращении в Москву, Мимоза могла поведать о происшедшем только Алевтине Маевской. И обсудив подробности тбилисской командировки, подруги сошлись во мнении, что перемена климата вряд ли стала причиной приключившегося с Машей несчастья. Скорей всего, здесь сыграло свою роль нечто иное: может, странное соседство «йога», а может и что-то другое. Так и осталось непонятным, связано ли происшедшее с тем фактом, что Мимоза оказалась в Тбилиси вместо своего начальника – членкора Антонова.

* * *

Ивлева знала Игоря Ивановича давно – с тех самых пор, как стала аспиранткой профессора Нилова. Под его же руководством в те годы начинал работу над своей докторской и Антонов. Раннее свое детство он помнил смутно: начало войны, прощание с отцом, уходившим на фронт, эвакуация в жаркий Ташкент, мельканье лиц и полустанков. А после Победы – мучительно длинная дорога домой, возвращение в мрачный холодный дом на Самотеке. Там, в недрах многолюдной «коммуналки», кишачей клопами и тараканами, кипела бурная жизнь. Но в просторной комнате с лепным потолком, где обитали Игорек с матерью, царила грустная тишина. Отец Игоря так и не вернулся с войны – пропал без вести. А мама, надеявшаяся на чудо, ждала его многие годы, тайком от сына плача по ночам. Она трудилась секретаршей в близлежащем министерстве, изредка постукивая вечерами на машинке, когда брала работу на дом – ведь денег им вечно не хватало. А сын, жалея ее, изо всех сил готовился к экзаменам, поступив сразу после школы в университет. Там он окончательно убедился, что умом своим превосходит всех вокруг – не только однокурсников, но и профессоров. Сие беспрецедентное открытие честолюбивого Игорька совпало с наступлением «Оттепели». Крушение «кумира всех народов» несло с собой порыв раскрепощения в интеллигентской среде. Московский воздух был пронизан токами надежд, будоражащих людские души. Студенчество устремлялось в Политехнический в жажде услышать Евтушенко и Ахмадуллину, Рождественского и Вознесенского... да и прочих «идолов» новой эпохи. «Толстые» журналы были нарасхват, театры переполнены... Как жить дальше? Где она, правда? – наряду со сверстниками задавался вопросом после XX съезда партии и юный Антонов. На одном с ним курсе учились отпрыски партийных «бонз», видных ученых, артистов. Ему же, вечно голодному юнцу, они казались пришельцами из другого, сказочного мира. Эти баловни судьбы разъезжали в собственных «авто», крутили романы с легкомысленными девицами на родительских дачах, иногда снисходительно приглашая Игоря на вечеринки. А он, сознавая свое интеллектуальное превосходство, ощущал себя значительнее, достойнее этих счастливиц, и все чаще задумывался: почему так? Где же наша хваленая справедливость, где принцип – каждому по труду?! И в душе студента Антонова болезненно разрасталась жгучая зависть к «этим ничтожествам». Неуклонно созревало решение – любыми путями вырваться «наверх». Ведь он с детства мечтал, чтобы мать его не стояла в вечных очередях, чтобы жили они в отдельной квартире с собственным телефоном...

Игорь был на последнем курсе, когда на одной из пирушек встретил Алису – красивую блондинку с филфака. Перед ее скромным обаянием провинциалки и незаурядным живым умом устоять не смог. Они гуляли по бульварам, потом он пригласил ее в театр... потом Алиса

по собственному почину оставила его ночевать у себя в общежитии. Тогда и узнал Игорь, что не был ее первой любовью. И это весьма покорило его выдающуюся гордыню. Но разгоревшаяся страсть к девушке не позволяла ему сразу отказаться от нее – они встречались еще несколько месяцев, до тех пор, пока Алиса не объявила ему, что беременна. Для Антонова – гром среди ясного неба! И не задумавшись ни на секунду, он произнес:

– Сколько у тебя недель? Ну, так за чем дело стало? Иди к врачу! Жениться я не могу, уж прости, в одной комнате с мамой живу, понимаешь?

Рыдающая Алиса развернулась и ушла, не проронив при этом ни единого слова, и вмиг исчезла с его горизонта.

Никого не удивило, когда вскоре выпускник МГУ, «краснодипломник», плавно перешел в аспирантуру академического института. Его вступительный реферат понравился профессору Нилову – так Игорь стал его учеником. И вскоре подал заявление в партию. Однако через несколько дней был вызван в отдел кадров. Там ожидал его невысокий мужчина с плоским, невыразительным лицом и вьедливыми глазами. Тут же предложил выйти на бульвар, прогуляться:

– Вы, Игорь Иванович, очень перспективный юноша, но мы вас поддержим при одном условии – помогите и нам! Нас интересует окружение вашего профессора Нилова, – вкрадчиво проговорил «гэбист».

– Это что же, вы хотите, чтоб я стукачом стал? А если я не согласен, тогда что? – с вызовом воскликнул Игорек.

– Тогда вам придется оставить мечты о карьере – у вас же незаконный сын! Девушка тут же подаст на вас жалобу в партбюро – и все: адью, аспирантура!

Едва опомнившись от шока, Игорь заикаясь еле вымолвил:

– К-как-кой сын?! Я... я понятия не имею... Может, и не мой вовсе.

– Что ж, нам не составит труда доказать – ваш или нет, – иронично заметил тот...

Не долго упираясь, Антонов согласился. Правда, про Нилова ничего «жареного» тайному ведомству донести не смог – нечего было! Так что по отношению к своему профессору совесть его аспиранта осталась чиста. А постоянным сотрудником института он стал благодаря собственным научным успехам.

Отмечая с приятелями защиту своей кандидатской в «Арагви», Игорь на радостях слегка перебрал и пошатываясь, столкнулся в гардеробе с эффектной, экстравагантно одетой женщиной, оторопело вытаращив на нее глаза. Уловив его реакцию, красотка снисходительно усмехнулась:

– Ручка есть? Записывай, – и бойко продиктовала полупьяному Игорьку свой номер...

Ляля оказалась актрисой Ермоловского театра и очень скоро предложила новоявленному кандидату наук переехать к ней в однокомнатную квартиру на Преображенке. И он обрадовался, хотя и не был в нее влюблен. Его привлекала лялина чувственно-призывная внешность и раскованность. А появление с нею в приятельском кругу или ресторане неизменно притягивало к ней вождедеющие мужские взгляды, что постоянно тешило его непомерное тщеславие. К тому же острота ощущений, переживаемая с Лялей в интимной сфере их бытия, подтолкнула Игоря к женитьбе на ней. Актриса тоже не испытывала к нему глубоких чувств, но считала, что ей уже «пора». Они быстро расписались в районном загсе, и Ляля прописала новоявленного супруга у себя.

Игорь не был от природы ни злым, ни корыстным. И к деньгам относился даже с некоторым пренебрежением. И пессимистом не был. Но иногда накатывала на него хандра либо, наоборот, он вдруг взрывался и начинал придирается к жене без всякого повода, срываясь на крик. И однажды вечером она указала ему на дверь. Он безропотно поехал ночевать к матери на Самотеку. А когда вернулся на следующий день за вещами, то Ляли и след простыл. Гарде-

роб был пуст, а на столе – записка: «Прощай, Игорек! Я не вернусь. Можешь здесь остаться. Твоя бывшая жена».

И он остался, окунувшись «с головой» в работу. Тем временем в институте открылась вакансия завотделом, но при обсуждении его кандидатуры на партбюро ему мягко указали: мол, разведенiec ты – так не пойдет.

Жениться по расчету, да еще второй раз Игорю не хотелось, но и в рядовых сотрудниках засиживаться – нет, это не для блестящего Антонова! Тогда же и состоялось его новое знакомство. Ему позвонила Ника – подруга бывшей его супруги. В гостях у четы Редозубов Игорь неоднократно бывал вместе с Лялей, которая с большим успехом пела дуэтом с красавицей-хозяйкой. Теперь же Ника Леопольдовна, осведомленная о положении Антонова, загорелась желанием устроить его жизнь. Ведь влиять на судьбы окружающих доставляло супруге адвоката неизъяснимое наслаждение: манипулировать людьми – в этом не было ей равных! Она с азартом переставляла своих знакомых, как фигурки на шахматной доске. И узнав о житейском провале молодого ученого, не преминула с живостью убедить его:

– Почему бы вам снова не жениться, Игорек? У меня для вас есть девушка «на выданье», правда, не красавица, увы! Но это ведь не должно вас тормозить, говорят же в народе – «с лица не воду пить», не правда ли? А с нею вам откроются немыслимые горизонты! Это – дочь самого Тиличенко. Кстати и ей самой предоставлена в пользование цеховская машина с личным водителем. И вообще она очень мила – не пожалеете, дорогой!

Нора оказалась полной противоположностью Ляле: блеклая, худосочная, тихая, но элегантно и дорого одетая. Казалось, что сознавая собственную некрасивость, она внутренне сдерживает от желания заполучить себе какого угодно, но законного супруга. А при взгляде на Игоря в ее глазах засиял восторг. Ему же померещилось, что своим видом он сразил ее наповал. Не сомневаясь в силе собственного мужского обаяния, Антонов, не мешкая, решился на сватовство. Они слетали в свадебное путешествие во Францию, и по возвращении Игорь Иванович незамедлительно занял вожденную им должность...

Нора Тиличенко, окончив Строгановку, работала на художественном комбинате – занималась оформлением рекламы. Судя по всему, ей нравилось ежедневно пребывать среди своей братии, а вечерами бродить по выставкам либо «тусоваться» в богемных кругах. А благоденствовали они в роскошной квартире на Сивцевом Вражке, куда к ним почему-то редко кто заглядывал. Как-то придя домой раньше обычного, Игорь весьма удивился, обнаружив в прихожей куртку и туфли Норы. Что это она так рано, не заболела ли? И не сняв пальто, быстро прошел на кухню, в столовую и наконец, отворив дверь в спальню, застыл на пороге: на их супружеском ложе поверх одеяла обнаженная Нора слилась в samozабвенном поцелуе с длинноволосой девицей... Ну уж такое представить себе и вынести надменно-брезгливый Антонов никак не мог! Пригрозив Норе рассказать обо всем ее отцу, он добился, что вину за развод она возьмет на себя – а она особо и не возражала...

Однако и после такого «казуса» вездесущая Ника Редозуб продолжала удерживать Игоря Ивановича «на крючке». Постоянно опекала, доставая ему пропуск то на модный спектакль, то на великосветский юбилей. Но однажды среди бела дня позвала его поговорить «по душам» в загородный ресторанчик. В эти часы в зале сего заведения, буйного по вечерам, никого, кроме официантов, не было. Заказав коньяк, Ника как-то сморщилась, искоса посмотрев на него, и неожиданно властным тоном сказала:

– Теперь, Игорек, настал час и вам услужить мне, вы готовы?

– Постараюсь, Ника Леопольдовна, чем смогу, – настороженно улыбнувшись, ответил он.

– Так вот, – при этих словах она вынула что-то из крошечного пакетика и протянула ему, продолжив: – вы должны Мите Голоскову – он же ваш приятель, вот этот шарик незаметно в стакан подбросить – неважно с чем: с водой, вином, соком... Это все – больше ни о чем не прошу! – с деловитой сухостью закруглилась светская львица.

Обомлевший Антонов долго молчал, неподвижно сидя с зажатым в кулаке темно-бордовым комочком. Мысли Игоря смешались, перескакивая с одного на другое – «что же это она – совсем с ума сбрендила? Я – травить его должен? *Убивать?!*» Наконец, опомнившись, он в замешательстве промямлил:

– Вы что, серьезно? Не может быть! Митю? За что?! И почему я, именно я?

– Что, до сих пор не поняли – «раз назвался груздем, полезай в кузов»! Вы уже давно «в разработке»!

– В какой еще разработке? Без меня меня женили, что ли?

– Да успокойтесь, Игорек! Никто вас в третий раз насильно женить не собирается. Но не забывайте, что вы – мой должник, ну и не только мой – сами знаете чей, какого ведомства! Или запамятовали за давностью лет, а? Но вот «они» ничего никогда не забывают...

– Но за что, Ника? Ну не могу же я отравить человека – это же безумие!

– Ах, Игорь, кто же говорит об отраве? Это вовсе никакой не яд, поверьте! К тому же мгновенно растворяется в любой жидкости без всякого следа. Ну уж если так настаиваете, то могу пояснить: ваш ученый секретарь слишком много на себя берет, а в последние месяцы совсем распоясался, не в свои дела лезет! Ему не помешает слегка отдохнуть, чуть-чуть поболеть, поразмыслить на досуге. Сей шарик вызовет лишь легкую простуду и вялость, а врач его на больничный отправит, чтоб отлежался. Ничего особенного, ясно? Учтите, что это – приказ!

– Но от кого?

В ответ Ника глухо молчала. Потом встрепенувшись, усмехнулась:

– Между прочим, сам Юрий Власович хочет с вами познакомиться.

При упоминании имени цековского «босса» Антонов вздрогнул, но все же попытался еще сопротивляться:

– Не понимаю, это все же розыгрыш? Мне что, уже к психиатру пора?

– Если приказа не исполните, тогда действительно в психушку загремите, гм... в лучшем случае. И вообще нам пора заканчивать разговор, – и мадам Редозуб перешла на еле слышный шепот. – Если откажетесь, запомните, вас самого тут же уберут – моргнуть не успеете...

Эту ночь Игорь Иванович провел без сна, сидя на полу в пустой квартире на Преображенке, оставленной ему актрисой. Холодея от страха, думал, как будет опускать сей жуткий шарик в митин бокал.

Вскоре он зашел в кабинет ученого секретаря, озабоченно кричавшего что-то по телефону. Когда Голосков положил трубку, Антонов бодро предложил:

– Слушай, Мить, зайдем сегодня в «стекляшку», – шеф тему докторской моей одобрил наконец!

– Поздравляю, Игорек! Это дело надо отметить, ясно, но... сегодня жена за мной заехать обещала, не получится, – вздохнул он, извиняясь. Однако заметив погрустневший взор приятеля, засомневался:

– А знаешь, может мы здесь... того, сегодня директора нет, посидим с тобой, а? Мой «зам» враз за вином стоняет?

Повеселевший Антонов тут же категорично заявил:

– Перестань, грех – эксплуатировать подчиненных. По такому случаю я и сам сбегая, жди – я мигом!

И через полчаса приятели, закрывшись в митином кабинете, распечатали бутылку «Каберне». Отвечая на бесконечные звонки, Голосков по старой своей привычке то и дело отворачивался при разговорах к окну. Так что Игорю Ивановичу не составило особых усилий незаметно вынуть из кармана заготовленный коварный шарик и бросить его в стакан Мити. Потом Игорь несколько недель подряд в страхе названивал приятелю, но тот лишь однажды обмолвился, что на ногах перенес грипп, а теперь, мол, осложнение какое-то – слабость, силы

будто убывают. И Антонову показалось, что все вроде обошлось, как Ника и предрекала – вроде не смертельно...

В тот год он впервые заметил Ивлеву, спросил о ней Нилова. Профессор сказал ему, что более талантливой аспирантки у него еще не было. Эти слова учителя укололи честолюбца Антонова до глубины души, в то же время пробудив острый интерес к Маше. Теперь при виде ее Игоря охватывало странно-щмящее чувство – какой-то трепет легкий...

Прошло несколько месяцев. По институту поползли слухи, что ученый секретарь – в академической больнице, говорят, что при смерти. Но узнав об этом, Антонов не пошел к нему – не смог...

А Ника все чаще стала приглашать Игоря на свои вечера и однажды познакомила его с «железной старухой» Зоннэр и генералом Зверогоновым, успевшим прославиться в роли ярого разоблачителя Сталина. Потом его представили гордой Казимире из Литвы: «Об этой Жанне д'Арк весь мир еще услышит», – предрекла мадам Редозуб. С этими страстными «демократами» Антонов сошелся мгновенно, почуяв за их спиной мощную неведомую силу, И с той поры возле него завертелся вдруг бледнолицый аспирант Зверогонова – скромняга Кириуша Рюшенков.

Карьера Игоря как по маслу вошла в совершенно новую колею: его имя замелькало то в «Новом мире», то в «Аргументах и фактах», и постепенно он обрел известность как яркий публицист. Его лицо стали узнавать по телевизору рядом с академиками Сахаровым и Лихачевым. А сам он, едва успев защитить докторскую, был единодушно избран член-корреспондентом Академии наук.

Вернувшись с похорон Мити Голоскова в свою новую кооперативную квартиру на проспекте Вернадского, Игорь Иванович долго сидел в кабинете с закрытыми глазами, подавленный чувством дикой тоски. Его взбудораженный мозг разьедал тот самый темно-бордовый комочек, подкинутый им в стакан приятеля: «Но не от этого же он умер, с тех пор столько воды утекло. И давно уж говорили, что у Мити рак. Но у меня-то выбора не было! Эта ведьма Ника однозначно произнесла мне приговор, если не послушаюсь... Да, мирная жизнь лишь кажется такою, а в ней ведь – всегда война: если не ты убьешь, так тебя уничтожат»... Антонов признавал, что совершил тогда страшную подлость... «А если б воспротивился – давно бы в могиле лежал», – рассуждал он наедине с собой, постепенно опорожняя бутылку «Наполеона»...

В голове членкора роились мириады мыслей, и вдруг из каких-то глубин подсознания выплыл образ Маши Ивлевой: вот оно что – ее люблю! Никого кроме нее мне не нужно! – и он удивился этому открытию. Ведь раньше думал, что влечет его к ней просто так. Но притяжение это пробуждало в нем жизненные токи: в ее присутствии он загорался изнутри, чувствуя, что еще жив, жива его душа – ведь не старик же он, ему и пятидесяти еще нет! А с ней, с Машей, он бы горы свернул! И никак не мог забыть столь высокого мнения Нилова о ней. Неуклонно росло и любопытство: в чем машин секрет? Такая очаровательная умница, дочь известного дипломата, а замуж не вышла. И ему, весьма известному теперь не только ученому, но и депутату... гм... постоянно «накручивает нос»! Но Игорь Иванович – не из тех, кто привык отступать. Нет! К тому же у него постоянно всплывало подозрение, что именно Мария Силантьевна унаследовала тайный архив учителя. И Антонов неоднократно пытался вывести у нее, не оставил ли ей Нилов каких-либо бумаг. Но безуспешно...

Улегшись в изнеможении на диван, член-корреспондент не мог остановить своих мрачных размышлений: «Скорей всего, она не сможет полюбить меня. Ведь я – мерзавец! всю жизнь изворачивался, лгал! – Разве не вранье – в партию вступать? Говорить, что предан идеалам коммунизма, ха-ха! А правда-то... вот – в «Архипелаге ГУЛАГ», она – там, если верить, конечно, Солженицыну, чудовищная правда... Гм, а «лапшу-то на уши» кто народу навешивает, кто? Да те самые, что на черных «Волгах» разъезжают и за высокими заборами давно в коммунизме сами-то купаются! А молодежь давно прозрела, но в комсомол вступает: попро-

буй-ка не вступи – всю дорогу тебе перекроют. Ведь и я ненавидел этот лживый комсомол, партию эту презирал, а – вступил! Иначе бы всю дорогу двор бы подметал. Ха-ха, – у этих безмозглых толстомордых паразитов, у наглых «слуг народа»! А я их все же уважать себя заставил – лекции мои в райкомах и горкомах слушают, книги мои издают. А я уважаю только труд, всю жизнь вкалываю, как папа Карло. Но к сему еще и талант нужен, а он, говорят, – от Бога! А вот в Него я поверить не могу: где же Он, где: ау-у!! Когда миллионы детей голодных, войны, если б Он существовал, то жизнь на земле не была б столь ужасной – ох, здесь я словно Иван Карамазов думаю. Только он в Бога все-таки верил, не то, что я, он лишь страдания невинных существ принять не мог. Гм... а я – и не верю, и не принимаю! Вот бы мне все же в него поверить! – сокрушенно вздохнул пьяный Игорь, – тогда б и покаяться смог, и о морали порассуждать! И на идеалы братства и равенства уповать. Гм... а ведь коммунисты ввали всегда и до сих пор врут, и живут себе припеваючи... Мерзость кругом... Вот с такими гигантами, как Андрей Дмитриевич да Лихачев, мы их и повергнем ниц! Сметем толстомордых этих с лица земли

* * *

По приглашению Казимиры – восходящей звезды литовской «демократии» – Антонов прибыл на международный симпозиум в Вильнюс в сопровождении профессора Ивлевой и переводчицы Али Маевской. Так Маша и Алевтина впервые оказались рядом – в одном гостиничном номере. А вечером Игорь Иванович, столь нелюбимый Мимозой начальник, пригласил молодых сотрудниц поужинать с ним в ресторане «Неринга». Им пришлось согласиться, ведь отказ, чего доброго, мог повлечь за собой лишние неприятности...

По Институту ходили всевозможные слухи о личной жизни этого бонвивана. Будто женат был на актрисе, сбежавшей от него к знаменитому барду, потом – на художнице, оказавшейся лесбиянкой...

Теперь же, слегка отдалившись от богемы, он слыл завидным холостяком, и ничуть не стесняясь, пользовался напропалую сим привлекательным статусом, обещая очередной молоденькой жертве жениться на ней. И от девиц у него не было отбоя...

Ощущая на себе пронзительные взгляды Антонова, Мимоза быстро поняла, что из этих ресторанных посиделок ничего доброго не выйдет. И действительно, член-корреспондент так напился, что не мог встать из-за стола. И Маше с Алей пришлось просить литовских коллег о помощи. Те весьма охотно дотащили московскую знаменитость до гостиницы, деликатно распрощались, и тогда настал для девушек жуткий момент: Игорь неожиданно стал упираться, не желая заходить в свой номер. И бессвязно бормотал:

– Не пойду один ни за что! Холодно у меня... в постели снег, девицы, я к вам хочууу!

Не долго думая, Мимоза сообразила, весело воскликнув:

– А мы сами к вам пойдем, согласны, Игорь Иванович? Мы с товарищем Маевской вас согреем!

– Вы?! Ме-няя... гм... согреете? Ха-ха, ну девки, вы даете! Так пошли же скорей! – и член-корреспондент шелкнул замком, вкатившись в комнату. Маша и Аля бойко вошли за ним вслед. А он, упав на диван, начал срывать галстук с шеи и попытался стянуть с себя свой элегантный пиджак. В тот же миг Мими прошептала:

– Вы так устали, Игорек, отдохните минутку, мы сейчас.

И Антонов не успел опомниться, как был покинут девушками, громко захлопнувшими за собой дверь его «люкса».

– Ой, Мария Силантьевна, что ж теперь будет?! – спросила в смятении Аля.

– А ничего не будет. Вот увидите, – успокоила ее Мими.

В тот же вечер Алевтина неожиданно призналась Маше, что давно хотела рассказать ей о последнем своем разговоре с директором института – Игнатом Трояновым. Алевтина была

его референтом-переводчиком и не только: с академиком Трояновым ее связывали особые отношения, о чем в те времена непрестанно шептались в институтских кулуарах.

Аля говорила на трех языках свободно и сопровождала директора во всех его заграничных командировках. Она была настолько притягательной, что вряд ли кто на месте Игната Петровича, даже самый последний «сухарь», смог бы устоять перед ее недюжинным обаянием. И в первый же вечер их совместной поездки Алевтина отдалась Троянову самозабвенно. А он – он был счастлив! Насколько может быть счастлив пятидесятилетний мужик, ослепленный страстью.

Алевтина и раньше вызывала сильные чувства у многих мужчин. Да и сама воспламенялась мгновенно против собственной воли, если кто-либо нравился ей. Какая-то особая, незащищенная женственность Алевтины нередко повергала ее во власть бурных эмоций. Однако увлекалась сама все же ненадолго. Скорее всего потому, что несмотря на свои 29 лет, продолжала мечтать о принце. Таковым и показался ей Троянов. Она влюбилась в него безоглядно, не задумываясь о том, что он прочно женат. Ее страсть оказалась настолько выше разума, что она не могла сдерживать своего волнения даже во время Ученых советов при взгляде на Игната Петровича.

Однажды теплым сентябрьским днем они сидели за столом в саду на алиной даче в Мамонтовке. Воздух был напоен ароматами зрелой осени, вызывавшей безотчетную грусть. Игнат с тревогой посмотрел на похорошевшую и слегка располневшую Алевтину. Она, опустив глаза, призналась, что ждет от него ребенка. Троянов вздрогнул и тяжело вздохнул:

– Ты только не переживай, Аленька! Но надо чуть подождать. Ну... гм... а если со мной что случится, выходи замуж!

– Да это как же так?! За кого? И что с тобой случится?!

– Послушай, любимая моя, ненаглядная! Мне дали понять – там, наверху, что я слишком много знаю! А это – сигнал, понимаешь?

– Нет, Игнаша, ничего не понимаю! Ну, перестанешь быть директором, ну и что? Если и в дворники пойдешь – все равно я буду с тобой, хоть в Сибири, хоть на Луне! Ты же – мой единственный! – и Алевтина, придвинувшись к нему вплотную, страстно обвила его шею своими тонкими руками.

Он же как-то неловко стал отстраняться от нее, и сжав ее руки в своих, медленно заговорил:

– Когда гляжу на тебя, Аля, то и поверить не могу, что ты меня так любишь. Это просто невероятно! Ты была моей мечтой. Я ведь и понятия не имел, что такое счастье бывает! Но на земле недолго длится, увы...

– Что случилось? Тебя убить хотят? За что?!

– За то же, что и Голоскова, нашего ученого секретаря. Ты ведь его помнишь?

– Да-да, молодой еще был, энергичный такой, веселый. Все еще тогда говорили, мол, «сгорел» на работе.

– Он нашего духа был, русского.... родом с Рязанщины. Наши позиции, русские, отстаивать пытался – такой славный был мужик! Понимаешь, о чем я?

– Не совсем. Его что, отравили, что ли? Я что-то такое слышала.

– Скорее всего, что так. Но доказать ничего не удалось. И еще помнишь Колю Самарова из Отдела естествознания? Тоже так внезапно умер. И Прохор Никулин... тоже.

– Но, Игнаша, если ничего не доказано, то, может, это – случайные совпадения, а?

– Ты же знаешь, милая, что ничего случайного в этом мире не бывает. Они просто слишком много понимали. Вот посмотри на Машу Ивлеву – о-очень сильна, а пройдет года два, и ее в порошок сотрут. Она, пожалуй, единственная из русских-то настоящих осталась, но и ей, увы, несдобровать! Хоть она и дочь Силантия Ивлева, но удержаться не сможет. Нет. Так что ты, Аленька, когда меня не станет, выходи замуж! Поняла наконец-то, о чем речь?

Но Аля понимать не хотела да и не могла. Будучи сугубо земной, типичной Евой, она пришла в ярость:

– Как ты можешь так спокойно обо всем этом говорить?! А как же я?! Как наш ребенок?! Ты должен бороться за наше будущее, а не складывать покорно руки. Не молчать, а звонить во все колокола! Ведь не бывает безвыходных ситуаций! Видно, перевелись настоящие-то русские мужики – слабаки одни кругом, и ты – такой же!!!

Троянов с удивлением смотрел на нежную Алевтину, столь круто вдруг преобразившуюся, а она постепенно сникла и горько заплакала:

– Прости, Игнаша, я не хотела... гм... такого наплела тебе. Прости меня, гусыню глупую. – И пламя гнева, возгоревшееся в ней, погасло.

Как и предчувствовал Троянов, это дачное свидание оказалось для них последним. На следующий день он улетал в Софию на конгресс, но оттуда не вернулся: самолет, заходя на посадку, потерпел крушение.

Аля Маевская вскоре ушла в декрет, родила дочь Агнию. Злые языки поговаривали, конечно, что ребенок этот – от Троянова. Но когда через год она вернулась в институт, сплетни как-то сами собой прекратились.

Оказавшись в командировке наедине с Ивлевой, Алевтина вспомнила о словах Троянова, прозвучавших в их последнюю встречу и навсегда врезавшихся в память. «Быть может, – подумала вдруг Маевская, – то, что говорил тогда Игнат, послужит теперь предостережением для этой молодой успешной профессорши? А вдруг Мария Силантьевна ни о чем таком опасном для нее даже не подозревает?»

Но профессор Ивлева не слишком удивилась откровению переводчицы. Главной реакцией Маши на признание Маевской явилось чувство глубокой благодарности за то, что Аля не промолчала, а открыла свою душу ей – тогда еще малознакомой сотруднице. С тех пор у них не было секретов друг от друга.

Вскоре по приезде из Вильнюса они отправились, захватив с собой маленькую Агничку, на станцию Озерное, где недавно началось восстановление Покровского монастыря. Передав посылку из Вены от игумена Варсонофия тамошнему настоятелю – архимандриту Артемию, Мария просила его крестить Алевтину с дочерью. Сама же Машенька, став крестной матерью Агнички, испытала благоговейный трепет. С тех пор она часто приезжала к отцу Артемию...

* * *

Однажды поздним вечером сняв трубку, Мимоза вздрогнула, услышав знакомый властный голос:

– Добрый вечер, Мари!

– Вадим Ильич? Какими судьбами?

– Только прилетел в Шереметьево, у меня – всего два дня. Могли бы вы, госпожа профессор, уделить чуток внимания вашему покорному слуге?

– Охотно, Вадим Ильич! Если завтра, скажем, часа в три. Может пообедаем с вами в Доме ученых, а? Я приглашаю.

В ресторане на Пречистенке, как всегда, в этот час было тихо. По углам сидели несколько одиноких завсегдатаев, а в середине зала столы были свободны. Официантка приветливо кивнула Ивлевой:

– Что закажете сегодня, Мария Силантьевна?

– А сегодня мой гость решает, – сказала Маша, вопросительно взглянув на графа.

Меню элитарного заведения приятно удивило европейского гурмана. И он не преминул начать разговор с обескураживающих для Мимозы комплиментов:

– Вы не поверите, Мари, но мне многие уже завидуют: ведь у нас в газетах пишут, что у могучего партбосса в Москве появилась ученая советница – суперинтеллектуалка, совсем молодая, а? Когда же я кому-либо говорю, что знаком с вами, мне по-настоящему никто и не верит!

– Ах, Вадим Ильич, это явно не про меня! И босса-то я лишь раз один видела – все больше по портретам да по телевизору, – запретила изумленная Маша.

– Видимо, утечка информации спецслужб, не иначе. Да, жизнь играет нами, Мари! А вообще-то странно, похоже, что вокруг вас какие-то интриги, а? – задумчиво произнес Корф.

– Наверяд ли, Вадим Ильич! А я часто вспоминаю, как мы отмечали в Вене праздник Преображения в доме вашей сестры. Кстати, как она и Зина поживают? – поспешила сменить щекотливую тему Мими.

– О, прекрасно, Мари. Вот увидите, как лет через пять в этот праздник 19 августа что-то произойдет. Событие, которое изменит ход истории, – тихо сказал граф, загадочно улыбувшись.

– Что за событие? Вы заинтриговали меня, Вадим Ильич!

– Пока сам знаю не много, но в Москве что-то начнется и приведет к освобождению России, – таинственным шепотом продолжал Корф, – и вам, Мари, выпала честь поспособствовать этому!

– Это каким же образом? Вы говорите загадками, граф! Это что – мистическое пророчество или тщательно разработанный и суперзасекреченный план? – с неподдельным любопытством вопрошала Маша, пытаясь придать тону разговора некоторую вальяжность.

– И то, и другое. Но об этом рано еще говорить. Вас же я хотел бы познакомить кое с кем из наших. Вы не возражаете, если я телефон ваш другу своему дам?

– Лучше бы наоборот, Вадим Ильич! Оставьте мне телефон, когда освобожусь – позвоню вашему другу. Сейчас у меня жуткий цейтнот!

– Конечно, Мари. Я ведь настаивать не вправе, – слегка разочарованно сказал он. И передавая Ивлевой листок с номером, спросил:

– А это правда, Мари, что ваш профессор Нилов со Сталиным общался?

– Не знаю, Вадим Ильич, ведь я с Конрадом Федоровичем редко виделась, и при мне он таких тем не касался. Никогда...

После обеда они прошлись по Гоголевскому бульвару. Граф тоже посетовал на нехватку времени, но усиленно приглашал в Париж и Мюнхен. И проводил, наконец, Мимозу до ворот институтского сквера.

* * *

В субботу в полдень за Ивлевой заехал Метельский, и уже через час они въезжали в ворота дачного поселка, укрывшегося в сосновом бору. Между домами разбегались в разные стороны асфальтированные дорожки, вдоль которых торчали высокие фонари.

– Сначала к тебе, Машер, заглянем, посмотришь, что к чему, – предложил Колобок.

Небольшой с виду дом оказался внутри просторным. Обстановка гостиной напоминала номер-люкс провинциальной гостиницы. Однако кабинет с внушительной библиотекой и дорогой массивной мебелью свидетельствовал все же о высоком положении проживавших здесь время от времени партийных функционеров. Впечатляла и огромная кухня с набитым до отказа холодильником, длинной угловой скамьей, огибавшей обширный стол, что явно предназначалось для многолюдных застолий... От всего этого повеяло каким-то тлетворным духом казенного гедонизма... Через два часа зашел Леня-Колобок. И они, пройдя лес по диагонали, приблизились к двухэтажному особняку. Оттуда выскочил охранник, кивнул Леониду, но у Маши попросил пропуск.

– Что, Машер, не нравится тебе здесь? Вы там в вашей Академии к строгим порядкам не приучены, сибариты, – усмехнулся Метельский.

– Не преувеличивай, друг мой! У нас тоже пропуска проверяют. Но не с такими каменными рожами... Гм... здесь все как-то напряженно, атмосфера гнетущая, понимаешь?

В этот момент они входили в кабинет патрона, который пристально взглянув на Машу, жестом отпустил Метельского, и с вежливой иронией полюбопытствовал:

– Слышал, что в Тбилиси туго вам пришлось. Давление, да? А теперь – в порядке?

– Спасибо, Юрий Власович. Теперь о'кей!

– Переутомились, не иначе? Давайте договоримся сразу – работать без авралов. Если не успеваете – предупреждайте, я ведь тоже человек, пойму, – проявив видимость участия, сказал шеф. – Хотелось бы мне о религии с вами потолковать, вы сами-то как – в Бога верите?

– Да, я в Бога верю, – напрямик ответила Мария.

– Ах вот оно что! По стопам учителя своего знаменитого пошли? В церковь ходите? Поэтому вас и в партию не приняли?! – язвительно улыбнулся он.

– Я и сама в ее ряды не рвалась, Юрий Власович!

– Ясно, значит вы – «контра»? – засмеялся босс.

– Не совсем, Юрий Власович! Просто кое-с чем согласиться не могу. Ну разве не странно: в храм ходить у нас вроде бы можно, а попробуй-ка на самом деле пойдешь? Сразу изгоем станешь, ведь так?

– Ну, Мария Силантьевна, вы-то уж на изгоя никак не тянете, – усмехнувшись, вставил он.

– Как сказать, Юрий Власович! Интересно, что при Сталине таких беспартийных, как Нилов, в Академию наук допускали. Правда, веры своей не скрывать дозволялось только корифеям, как он или академик Павлов. Ну а теперь-то, не ясно ли, что без религии мораль у нас вообще исчезнет? Не пора ли перевести воспитание на духовные рельсы, а? – тогда и экономика постепенно наладится.

– Не подозревал, что вы так наивны, Мария Силантьевна! А как же приоритет базиса перед надстройкой? Вы что же, фундамент истмата не признаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.